

М.М. Рогожа

Запрет на ложь в этике поступка Опыт прочтения эссе И. Канта «О мнимом праве лгать...» сквозь призму философии Х. Арендт

Рогожа Мария Михайловна – доктор философских наук, профессор, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко. Украина, 0161, г. Киев, ул. Владимирская, д. 64/13; e-mail: rohozha@mail.ru

В статье кантовский запрет на ложь анализируется на материале полемики Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова о природе морали. Возможность различения сфер индивидуальной и общественной морали обуславливает различные подходы к рассмотрению запрета на ложь как фактора морального действия. В статье этико-философские идеи И. Канта рассматриваются сквозь призму социально-политической позиции Х. Арендт. Арендт предложила рассматривать три вектора кантовских рассуждений о «человеческих делах»: род человеческий и его прогресс, человек как моральное существо и цель в себе, люди во множественном числе, целью которых является общительность. Просвещение дает возможность человеку освободиться от предрассудков и следовать Разуму, требования которого задают моральный закон. Моральный закон обязывает человека поступать по долгу, одной из конкретизаций которого и является запрет на ложь. На уровне действия кантовского автономного субъекта запрет на ложь конкретизируется в сознательных усилиях деятеля следовать абсолютному долгу. В ситуации с домохозяйником следовать долгу – значит не лгать злоумышленнику о местонахождении друга. Альтернативой этому поступку является признание собственной моральной несостоятельности при любом другом выборе, который неизбежно продиктован склонностью. Однако абсолютный запрет на ложь в предельном своем воплощении устраняет способность деятеля различать добро и зло, снимая с него ответственность и позволяя укрыться за моральным законом. В пространстве человеческого взаимодействия люди выверяют правильность своих действий посредством суждений. В ситуации конфликтующих обязанностей деятель способен осознать все противоречия, вынести суждение и принять ответственность за сделанное, становясь в положение «не-алиби в бытии».

Ключевые слова: Иммануил Кант, Ханна Арендт, ложь, Просвещение, моральный закон, абсолютный запрет, способность суждения, общее чувство, общительность, обязанность

Дискуссия по эссе И. Канта «О мнимом праве лгать из человеколюбия» (1797), инициированная Р.Г. Апресяном, в очередной раз свидетельствует о непреходящей значимости кантовского текста. Просвещенческий по духу и букве, написанный для широкого круга читателей, этот текст и сегодня вызывает не только историко-философский интерес, но воспринимается как очевидно практическое руководство к моральному действию.

Обсуждение, в которое вовлекается все большее количество участников, стало своего рода площадкой для обоснования позиций и выстраивания аргументации уже традиционного научного спора Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. Ведущийся в направлении прояснения природы морали, в нынешней дискуссии по кантовскому эссе он конкретизовался в разборе специального вопроса – (не)допустимости морального права на ложь. За непреклонной исследовательской логикой, четкой аргументацией в рамках уже обозначенных к этому времени концептуальных подходов оппонентов преимущественно спрятана, хотя иногда все же выступает на передний план эмоциональная насыщенность и живость обсуждений. Сотрудники сектора этики ИФ РАН и коллеги из смежных сфер философского знания, долгие годы сотрудничающие с ними, под влиянием этого научного спора определяют свои исследовательские установки в заданной таким образом системе координат. Возможность быть свидетелем этих обсуждений в конечном итоге ведет к самоопределению в отношении отстаиваемых Гусейновым и Апресяном теоретических взглядов, позиционированию себя в сложившемся дискурсе, превращая исследователя из зрителя в непосредственного участника.

В исследовательской перспективе этики поступка вопрос о моральном праве на ложь – это вопрос о максиме морального действия. В дискурсе, сложившемся вокруг теоретического спора Гусейнова и Апресяна, активно обсуждается возможность различения сфер индивидуальной и общественной морали. Поэтому рассмотрение запрета на ложь в этике поступка задано спецификой пространств индивидуальной и общественной морали.

Предложенная тема обсуждения не ограничивает свободу выбора единомышленников, авторов, работы которых определяют методологическую основу исследовательского поиска. Такая свобода оказывается чрезвычайно важной, позволяя в рассуждениях по кантовскому эссе поднимать и решать вопросы, составляющие собственный научный интерес. Приглашение принять участие в обсуждении кантовского эссе пришлось на период работы с текстами Х. Арндт, вследствие чего поиск своего места в дискуссии и прояснение собственной позиции начинались под непосредственным влиянием арндтовской философии. Однако первое впечатление возможности рассмотрения запрета на ложь в этике поступка через призму философского наследия Арндт оказалось правильным.

Арндт, известная прежде всего по работам в области политической философии, была мыслителем многогранным. Ее исследовательские интересы выходили на проблемы этики, философской антропологии, эпистемологии, рассматриваемые зачастую в историко-философском ключе. К кантовской философии Арндт обращалась неоднократно в поисках методологических оснований своей теории; также этические и политико-правовые работы Канта непосредственно оказывались в центре ее внимания. Дополнительным аргументом значимости обращения к текстам Арндт в свете поставленной задачи может стать различение ею сфер индивидуальной и общественной морали. Арндт, ориентируясь на воплощение философской теории в ткани человеческого взаимодействия, достаточно четко разводила эти области, хотя и использовала при этом специфический категориальный аппарат. Понимая под моралью сферу, касающуюся вопросов «индивидуального поведения и образа действий, ряда

правил, норм и эталонов, с помощью которого люди отличают правильное от неправильного»¹, она противопоставляла ей политику, пространство человеческого взаимодействия, где обеспечивается потребность человека жить с другими и для других в общем мире и обустроить его речью и действием для себя и будущих поколений.

Таким образом, рассмотрение запрета на ложь в этике поступка представляется возможным в перспективе арендтовского кантианства. Однако следует сделать еще одно уточнение методологического характера. Рассмотрение эссе «О мнимом праве лгать...» не могло не вывести за границы собственно кантовского прочтения поднимаемых им проблем. Открывающиеся в связи с этим возможности обсуждений поистине безграничны. Определенным ограничителем расширения контекстов интерпретации могут стать слова Арендт, которая в «Лекциях по политической философии Канта» подчеркнула, что «если мы выходим за рамки того, как сам Кант толкует себя, мы все-таки сохраняем верность кантианскому духу»².

В основу «кантианского духа» заложена идея прогресса, совершенствования, неразрывно связанная с проектом Просвещения, достойным представителем и ревностным защитником которого был Кант. Поэтому разбор кантовского запрета на ложь следует начать с определения мировоззренческих условий возможности кантовской позиции. Этот ход вписывается в схему рассмотрения Арендт кантовских рассуждений о «человеческих делах»: «У нас есть теперь три очень разные концепции или позиции, исходя из которых можно рассматривать человеческие дела: есть род человеческий и его прогресс; есть человек как моральное существо и цель в себе; и есть люди во множественном числе... истинной “целью” которых является общительность»³. В этом плане кантовская концепция Просвещения задает общее видение человеческого рода и его возможностей.

Таким образом, в статье вопрос о запрете на ложь как факторе морального действия будет рассматриваться в сфере индивидуальной и общественной морали на основе теоретического спора, заданного Р.Г. Апресяном и А.А. Гусейновым, сквозь призму философского наследия Х. Арендт.

Запрет на ложь в контексте кантовской концепции Просвещения

Кант – философ Просвещения. Следует добавить, что именно того Просвещения, которое он контурно представил в своего рода манифесте под названием «Ответ на вопрос: Что такое Просвещение?» (1784). Подводя итоги уже на тот момент уходящей эпохи, Кант заявил: «Просвещение – это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине»⁴. Он объяснял, что незрелость человека состоит в его не-

¹ Арендт Х. Некоторые вопросы моральной философии / Пер. Д. Аронсона // Арендт Х. Ответственность и суждение. М., 2013. С. 84.

² Арендт Х. Лекции по политической философии Канта / Пер. А. Глухова. СПб., 2011. С. 63.

³ Там же. С. 51.

⁴ Кант И. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? / Пер. Ц.Г. Арзаканяна, уточненный Т.Б. Длугач // Кант И. Соч. в 4 т. Т. 1. «Трактаты и статьи» (1784–1796) / Под ред. Н. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. М., 1993. С. 127.

способности пользоваться рассудком без постороннего руководства. Недостаток решимости и мужества самостоятельно мыслить обуславливают потребность во внешнем руководстве религиозными и моральными взглядами; человек нуждается в опеке, которую и осуществляют некие внешние по отношению к нему инстанции. Миссия просветителей состоит в том, чтобы при помощи наук и искусств научить человека пользоваться собственным разумом в приватной и общественной жизни.

Сам Кант, последовательно и обстоятельно развенчивая философские предрассудки, выстраивал свою философию в соответствии с духом и буквой Просвещения. Как отметила Арендт, критическая философия Канта подсажена ему «веком критики», т. е. веком Просвещения: «Просвещение означает в этом контексте освобождение от предрассудков, от авторитетов, событие очищения... Результатом подобной критики является “применение разума”»⁵. Критическое мышление в отличие от догматизма и скептицизма, нерушимость которых Кант опровергал своей философской системой, – это тот новый способ мысли, который дает возможность людям изучать свои способности. В общем плане это способствует достижению человеческим родом совершеннолетия.

Такая просвещенческая установка задает перспективу в понимании кантовского морального субъекта. Направление развития человека определяют идеальные принципы и нормы, действующие в области свободы, в той сфере, постижением которой занимается практический разум. Моральный закон – квинтэссенция задаваемого практическим разумом вектора человеческой деятельности, он абсолютен, необходим и имеет всеобщий характер. Долг человека как морально-го субъекта состоит в том, чтобы действовать из уважения к закону.

Заслуживает внимания замечание Арендт по поводу просвещенческого основания Кантом природы долга. Все высказывания морального характера, принуждающие человека действовать, претендуют на истинность, обеспечить которую может либо самоочевидность, либо предоставленные соответствующие доказательства. «Однако обязательность никоим образом не самоочевидна, и никому никогда не удавалось доказать ее, не выходя за рамки рациональной аргументации»⁶. Традиционно Бог был источником обязательств, за формулировкой «ты должен» / «ты не должен» стояла «а иначе», – угроза санкции, вводимой карающим Богом. В мире кантовского Просвещения не Бог, но Разум стал источником долженствования. Чтобы задать моральному закону объективный характер и форму принудительного воления, Кант обосновал его требования самозаконотворчеством разума. Это был принципиально новый подход к идее долга. Как отмечала Арендт, Кант, учитывая возможности воли блокировать веления разума, придал ей статус законодательствующей и одновременно подчиняющейся закону инстанции. Это третий практический принцип воли, отражающий автономию воли субъекта морали.

Повиноваться моральному закону следует повсеместно и безоговорочно, вопреки каким-либо склонностям, влечениям, порывам, обусловленным душевным состоянием человека. Поскольку человеческое в человеке неизбежно, основанный на разуме моральный закон становится для него принуждением, непреходящий характер которого связан с тем, что долг и склонность находят-

⁵ Арендт Х. Лекции по политической философии Канта. С. 60.

⁶ Арендт Х. Некоторые вопросы моральной философии. С. 117.

ся в постоянном противоречии, преодолеть которое раз и навсегда невозможно. Склонность может иметь множество ликов и проявляться во множестве ситуаций, а долг всегда определен четко и в каждом конкретном случае задан в едино возможном варианте.

Только рамках проекта Просвещения человек всю силу веры в Бога перенаправил на веру в Человека и силу его Разума, сотворив из этого своего рода новый, просвещенный религиозный культ. Безграничная вера в человеческие возможности, в бесконечный, постепенный, но неумолимый прогресс (совершенствование), направляемый человеческим разумом, придавала необходимый, всеобщий характер моральному закону, следовать которому было необходимо потому, что к этому обязывал созданный просветителями идеал человека. Кантовскую этику называют абсолютистской – она предъявляет человеку четкие моральные требования, имеющие необходимый, всеобщий характер, и отвергает какие-либо компромиссы в следовании моральному долгу.

Моральный долг обуславливает запрет на ложь. В силу разного рода склонностей ложь может становиться желанной или казаться неизбежным выходом из ситуации. Кант это понимал, но подчеркивал: «Хотя я и могу желать лжи, но никак не могу желать всеобщего закона лгать»⁷. Ложь в качестве закона будет противоречить общей логике мироустройства, а поскольку поступать следует только согласно «такой максиме, относительно которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом»⁸, то очевидно, что всеобщий закон лгать оборачивается саморазрушением, а значит становится логически невозможным.

Скандальность заявления Б. Констана о праве на ложь в определенных ситуациях для Канта состояла в утверждении необходимости лжесвидетельствовать для того, чтобы в сложных обстоятельствах отвести беду от себя или другого человека. Утверждая необходимость говорить неправду, пусть и в исключительных случаях, в которых на кон поставлены собственная жизнь или жизнь другого человека, Констан посягнул на «законы природы», задающие действия по долгу. Лжесвидетельство, пусть и под давлением – это, по Канту, действие, совершаемое на поводу внешних обстоятельств, действие по склонности, возможное в принципе, но не имеющее никакого отношения к действию по долгу; человек же должен повиноваться моральному закону как «закону природы» при всяких обстоятельствах, даже с ущербом для своих склонностей. «Право лгать из человеколюбия, которое Констан столь яростно защищает и которое является для него единственным средством гарантировать безопасность сосуществования людей, – такое право, согласно Канту, может только разрушить человеческое общежитие»⁹.

Ю. Штольценберг, вписывая эссе «О мнимом праве...» в дискурс Просвещения, отметил нетипичность представленной в нем абсолютистской позиции именно в просвещенческом контексте того времени. Он привел в качестве примера прямо противоположное «очевидно утилитаристское оправдание лжи» в работах К. Вольфа, где ложь во спасение или для выгоды рассматривается

⁷ Кант И. Основоположение к метафизике нравов / Под ред. Э. Соловьева, А. Судакова, Б. Тушлинга, У. Фогеля // Кант И. Соч. на нем. и рус. яз. в 4 т. Т. 3. М., 1997. С. 89.

⁸ Там же. С. 144.

⁹ Штольценберг Ю. Кант и право на ложь / Пер. И.Д. Копцева, А.С. Зильбера // Кантовский сб. Науч. журн. 2010. No. 2 (32). С. 9.

как способствующая благу и приносящая пользу. Штольценберг подчеркнул распространенность просвещенческой установки морального права на ложь, ее укорененность в традиции политической философии со времен Г. Гроция и С. Пуфендорфа¹⁰.

Нетипичная для своей эпохи, позиция Канта сегодня воспринимается как просвещенческая по духу и букве не в последнюю очередь потому, что суть той эпохи современный мир воспринял через кантовский манифест Просвещения. Кантовская философия пронизана просвещенческой верой в Разум, его возможности совершенствовать человека, направлять его действия по долгу, задавать условия возможности автономии воли. Запрет на ложь в свете этого – очевидное воплощение морального закона в человеческой жизнедеятельности.

Запрет на ложь в этике поступка А.А. Гусейнова

В современном мире, пережившем крушение метанарративов Модерна, среди которых центральное место занимают идеалы Просвещения, ощутившем разрушительную силу постпросвещенческих установок «Бог умер» и «Если Бога нет, то все дозволено», кантовский моральный закон определенным образом сохраняет свой регулятивный потенциал. Однако, как замечает А.А. Гусейнов, среди двадцати первых встречных «людей с улицы» сегодня вряд ли отыщется «твердолобый кантианец». Хотя очевидно, что для кантовского учения наличие сторонников, а тем более их количество, не играют существенной роли.

Как последовательный кантианец, Гусейнов заявляет, что позиция Канта о недопустимости лжи ясна и не требует защиты. Он настаивает на том, что эссе «О мнимом праве...» возможно рассматривать исключительно в общем контексте этического учения Канта и выстраивает свое рассуждение по данному тексту в общем ключе кантовской этики.

Для Гусейнова, как и ранее для Канта, совершенно не важно, имела ли место ситуация с домохозяином в реальной жизни; а если имела, то как поступил домохозяин на самом деле, как бы на его месте поступили Гусейнов или сам Кант – вопрос в таком ракурсе неприемлем в рамках кантовской этики. Таким вопросом проявляют себя те, которые рассуждают о морали с точки зрения опыта или здравого смысла.

Случай с домохозяином для Гусейнова в отличие от Апресяна является не предметом ситуационного анализа, а предельным примером, который со всей наглядностью, задаваемой «нарочитой», «дерзкой» пограничностью ситуации, призван проиллюстрировать действенность идеи долга и, по сути, бескомпромиссность выбора домохозяина как морального субъекта. «Он призван подчеркнуть безусловность запрета на ложь, показав, что его следует соблюдать даже в тех крайних случаях, когда с точки зрения здравого смысла это кажется совершенно абсурдным»¹¹. По долгу, вопреки каким-либо обстоятельствам, человек обязан поступать морально, не допуская никаких исключений в пользу склонностей, к которым относится и «чувство дружеской привязанности». Пример задает схему поступка из долга в условиях, когда запрет на ложь имеет

¹⁰ Штольценберг Ю. Кант и право на ложь. С. 7–8.

¹¹ Гусейнов А.А. Что говорил Кант, или Почему невозможна ложь во благо? // О праве лгать / Сост., ред. Р.Г. Апресян. М., 2011. С. 108.

категорический, безусловный характер, и ни при каких обстоятельствах не может быть обойден или снят. Это моральный закон, который, будучи конкретизированным в форме запрета на ложь, задает нормативный смысл, в качестве максимы воли действенный в процессе принятия решения о поступке, нравственном по форме и содержанию, едино возможном в перспективе долга. Пафос Кантова примера в том, что даже если бы никогда в реальной жизни не существовало поступков, выполненных в соответствии с моральным законом, это не означало бы, что моральный закон оказался несостоятельным либо же его действие возможно отменить: «Если даже никогда не совершалось действий, которые возникали бы из таких чистых источников, то ведь здесь вовсе нет и речи о том, происходит или нет то или другое, но разум предписывает самочинно и независимо от всех явлений то, что должно происходить»¹².

Эту кантовскую установку разделяет Гусейнов, утверждая, что моральная теория не может быть опровергнута противоречащими ей примерами, очерпнутыми из повседневной жизни, рассуждение о которых возможно только лишь в рамках здравого смысла. Именно поэтому он предлагает опросить двадцать первых встречных «людей с улицы» на предмет возможности нравственного оправдания лжи. Для него вполне очевидно, что все двадцать смогут найти оправдание обману. Но это не имеет никакого отношения к собственно моральному закону, выдвигающему абсолютный запрет на ложь. У Канта есть рассуждение о соотносительности примера и этического учения, важность которого подчеркивает Гусейнов: «Этическое учение не резюмирует, не обобщает существующие примеры, оно само является источником примеров. Этическое учение создается не для того, чтобы рассказать, как ведут себя люди, а для того, чтобы сказать, как они должны себя вести»¹³. В свете этого обсуждаемый случай значим даже не универсальностью обязательств долга, а общей формулой морального поступка, призванной показать, каким образом абсолютность запрета на ложь воплощена в моральном поступке.

Для Гусейнова мораль представляет собой пространство индивидуально-ответственного поведения, охватывает ту сферу жизнедеятельности человека, которая зависит исключительно от его сознательных усилий. Деятель, моральный субъект, решает сам, как он может повлиять на свою жизнь, выстроить ее наилучшим образом, придать ей совершенный вид. А.В. Прокофьев называет позицию А.А. Гусейнова индивидуально-перфекционистской. Смысловое содержание такой этической программы определяется возможностью удовлетворять «потребности отдельных индивидов в достижении подлинной свободы и личностного совершенства за счет выражения в своей деятельности абсолютного нормативно-ценностного содержания»¹⁴. Программа важна в построении отдельного морального поступка, а также в плане «совершенствования жизни в соответствии с устремленностью к идеалу», «возвышенной и кропотливой проработки различных форм духовной практики» посредством «безупречного по своей структуре и способности сознания»¹⁵.

¹² Кант И. Основоположение к метафизике нравов. С. 103.

¹³ Гусейнов А.А. Что говорил Кант, или Почему невозможна ложь во благо? С. 109.

¹⁴ Прокофьев А.В. Справедливость и ответственность: Социально-этические проблемы в философии морали. Тула, 2006. С. 14.

¹⁵ Прокофьев А.В. Подвижная связь межчеловеческих связей (дисциплинарный и перфекционистский элементы морали через призму политической философии Х. Арендт) // Этическая мысль. 2004. Вып. 5. С. 33–34.

В рамках индивидуальной морали личного совершенствования действия по долгу не только возможны, но и необходимы, они соответствуют ее природе. Язык, при помощи которого Гусейнов описывает действенность запрета на ложь, вполне отражает это соответствие. Остаться ли честным в ответ на вопрос о местопребывании друга или лжесвидетельствовать – это выбор, который полностью зависит от морального субъекта. Принятие этого решения в пространстве личной ответственности деятеля позволяет конструировать собственную жизнь, проделывать кропотливую работу, требующую самоконтроля, самоограничения и самодисциплины. В примере с домохозяином это «выбор с нулевой точки, когда ничего не может помешать человеку сказать “да” если он решил сказать “да”, или “нет”, если он решил сказать “нет”»¹⁶.

Однако этот выбор утрачивает свою изначальную напряженную действенность, если совершается в пространстве общественного взаимодействия, где человек действует плечом к плечу с другими людьми, где его выбор сопрягается с выбором других, где его нравственное решение может быть намеренно или случайно блокировано решением и действием других.

Р.Г. Апресян отмечает, что в этике Канта отсутствует Другой. Для А.А. Гусейнова это замечание настолько же очевидно, насколько и непринципиально. Гусейнов подчеркивает, что Кант не позиционировал себя сам и не рассматривается кантоведами как представитель коммуникационной этики. Кантовский этический абсолютизм постулирует долг не перед конкретным Другим, а перед человечеством в целом. Во втором практическом принципе категорического императива указан субъект, на который направлено должествование – человечество, в лице самого деятеля и всякого другого. Абсолютный запрет на ложь – это бескомпромиссный выбор морального субъекта, желающего в то же время, чтобы этот выбор стал всеобщим законом, имел силу действия в пределах человечества.

Следует отметить, что Другой отсутствует и в этике поступка самого Гусейнова. В дискуссии по общественной морали он последовательно отстаивает позицию, согласно которой мораль – это исключительно индивидуальная мораль, а общественной она является лишь в той мере, в которой принимается обществом в качестве морали: «Общественная мораль есть то, что считается (принимается) моралью в обществе»¹⁷. Однако Гусейнов не останавливается на том, чтобы задать морали этот личностно-перфекционистский горизонт. Он отмечает, что мораль представляет собой «не только качественную характеристику индивида, фиксирующую его личностную определенность, нацеленность на совершенное существование, она является также качественной характеристикой его отношений с другими людьми»¹⁸. Мораль определяет систему личностных качеств человека, которые задают его «способность жить в общезитии». Таким образом, Гусейнов переносит перфекционистские установки личности в сферу общественного взаимодействия и с их помощью задает нормативную основу отношений между людьми, которые равно стремятся быть моральными.

¹⁶ Гусейнов А.А. Что говорил Кант, или Почему невозможна ложь во благо? С. 110.

¹⁷ Гусейнов А.А. Мораль: между индивидом и обществом (к вопросу о месте морали в современном обществе // *Общественная мораль: философские, нормативно-этические и прикладные проблемы* / Под ред. Р.Г. Апресяна. М., 2009. С. 38.

¹⁸ Там же. С. 37.

Предписывая каждому деятелю и в его лице всему человечеству т. е. обществу в целом, абсолютность запрета на ложь, Гусейнов подчеркивает его всеобщность, распространяя его действие на всех, задает установку «относиться к человечеству в своем лице и в лице всякого другого» без права на ложь. Такое перенесение смыслового содержания индивидуальной морали на сферу общественного взаимодействия очевидно задает парадоксы индивидуального совершенствования, описанные Прокофьевым на примере «сообщества ангелов»¹⁹. Однако оно же неожиданно открывает перспективу регулирования общественного взаимодействия не в перфекционистском ключе, а в соответствии с минимумом требований универсальных принципов.

В этике поступка Гусейнова отсутствует конкретный Другой, к которому неизбежно возникает благорасположение, участие, дружеское чувство, т. е. склонность, недопустимая в качестве максимы воли для совершения индивидуального ответственного поступка. Однако, когда Гусейнов, как и ранее Кант, подымается на уровень «человечества в целом», ведет речь о людях вообще, тех, кого мы обычно называем не «ближними», а «дальними», тех, с кем нас не связывают никакие конкретные обязательства, он выходит на уровень общественной морали как сферы «взаимодействия дальних», перед которыми у деятеля нет иных обязательств, кроме одного единственного: *не относиться к ним только как к средству* достижения своих интересов, но *всегда в то же время как к цели*. Если прочитать эту формулу Канта «справа налево», то категорический императив, задавая содержательную определенность, ориентированность на человека, не отрицает возможности решения совершенно конкретных задач, в которых человечество – средство достижения собственных интересов. Настаивая на потенциальной содержательной определенности действия, Кант констатировал актуальную возможность достижения собственных интересов, требуя от деятеля отношения *в то же время* и как к цели, *а не только* как к средству.

В частности, абстрактный (всеобщий) запрет на ложь задает принцип действия в пространстве общественного взаимодействия «дальних». Следование этому принципу в отношениях с «дальними» не требует от деятеля чрезмерных нравственных усилий, необходимости неопременного морального выбора; оно, по сути, определяет рамки правильного, морального действия «по умолчанию». Р.Г. Апресян действия по долгу в отношении тех, с кем деятеля не связывают никакие личные конкретные обстоятельства, называет абстрактной обязанностью.

Фактически, категорический запрет на ложь, выступая абстрактной обязанностью, упрощает отношения с «дальними»: не лгать значит не усложнять свою жизнь нагромождениями лжи. Одна ложь порождает другую, человек начинает путаться в связях лжи и действительности, вынужден помнить эту ложь и связи, чтобы не забыть, кому и что было сказано. Установка абсолютного запрета на ложь человека в условиях абстрактных обязанностей, его несвязанности особыми обстоятельствами, делает жизнь человека этически прозрачной, правильной.

Таким образом, помимо задачи выстраивания индивидуально-ответственной жизни в соответствии с запретом на ложь этика Канта позволяет выстраивать пространство взаимодействия чужих друг другу людей, того «человече-

¹⁹ Прокофьев А.В. Мораль индивидуального совершенствования и общественная мораль: исследование неоднородности нравственных феноменов. Вел. Новгород, 2006. С. 107–131.

ства», которое для каждого конкретного деятеля выступает не только лишь средством достижения собственных интересов, но и целью. Как представляется, этот вывод – нечто противоположное тому, что отстаивает в этике сам Гусейнов, задавая нацеленность субъекта морали на индивидуально-перфекционистское существование, на совершенный вид ответственной жизни, возможный в соответствии с этической концепцией Канта, заложенной в основу его этики поступка.

Ценностные регулятивы кантовской сферы человеческого взаимодействия

Для осеннего семестра 1970 г. в Новой школе социальных исследований Арендт подготовила курс лекций по политической философии Канта, в котором значительное место было уделено рассмотрению вопросов моральной философии.

В этике Канта она усматривала программу индивидуальной морали, продолжающую традицию, заложенную Сократом. Вообще, Сократ как историческая личность и герой платоновских диалогов привлек внимание Арендт ориентированностью на самостоятельное мышление, происходящее в уединении, вдали от скоплений народа. В связи с этим она отмечала, что в условиях пребывания человека наедине с собой происходит созидание его внутреннего мира, задающее формулу морального поведения «Лучше несправедливо страдать, чем несправедливо поступать». В проекции на мыслительную деятельность субъекта морали эта формула трансформируется следующим образом: лучше быть в разногласии со всем миром, чем с одним человеком – с самим собой. Арендт подчеркивала: «Надо не быть в разногласии с самим собой, даже если для этого придется быть в разногласии со всем миром. Сократическая формула основывалась на разуме... как деятельности мышления»²⁰. Кантовская этика, следуя формуле Сократа, является индивидуальной, она не предполагает наличия других. Практический разум задает направление нравственных усилий субъекта морали в индивидуальной системе координат.

Пространство, в котором появляются и действуют другие, регулируется не практическим разумом, а способностью суждения, способностью человеческого ума, активизирующейся только лишь во взаимодействии с другими. Способность суждения, открытая и исследованная Кантом в «Критике чистого разума», а особенно в «Критике способности суждения», выведена Арендт в качестве основания человеческого взаимодействия. Процесс суждения она представила как предсказуемый диалог человека с другими людьми, в результате которого стороны необходимо достигают согласия. Сила суждения в такой перспективе основывается и обосновывается потенциальным согласием с другими. Но это обоснование не универсально, оно контекстуально, потому что зависит от суждений других людей, на место которых ставит себя выносящий суждение субъект.

Основой суждения является общее чувство (*common sense*), тот здравый смысл, против которого применительно к кантовской этике выступает Гусейнов. Для Арендт, напротив, наличие общего чувства как основания способно-

²⁰ Арендт Х. Некоторые вопросы моральной философии. С. 146, 176.

сти суждения и условия возможности человеческого взаимодействия принципиально важно: «Для Канта общее чувство означает не чувство, общее всем нам, а именно то чувство, благодаря которому мы встраиваемся в сообщество, становимся его членом и можем сообщать другим то, что было получено нашими пятью частными органами чувств»²¹. Возможности коммуникации, «общительности», обусловлены тем фактом, «что никто из людей не способен жить в одиночку, что люди взаимозависимы не просто в своих нуждах и заботах, но в своей высшей способности, уме, не работающем за пределами человеческого сообщества»²². Вот эти люди, «земные существа, живущие в сообществах, обладающие здравым смыслом, *sensus communis*, чувством общности; они не автономны, нуждаются в участии других людей даже для того, чтобы мыслить»²³, вот эти люди обладают способностью суждения, становятся субъектами общительности. По Арндт, проблема «общительности» осталась нерешенной Кантом к моменту окончания его работы над критиками.

Проследив интерес Канта к проблемам суждения и человеческого взаимодействия, начиная с ранней работы «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» (1764) до поздних работ, непосредственно касающихся вопросов политики, Арндт представила проблематику взаимодействия с другими как неотъемлемую часть разработки проблемы положения человека в мире. В критический период Кант выходил на вопросы человеческого взаимодействия опосредованно. Так, согласно Арндт, суждения вкуса оказались в центре внимания Канта потому, что именно в области эстетики человек выносит суждения, завися от других людей, высказывается, имея перед собой других, их одобрение, для того, чтобы его суждения приобрели определенную долю общезначимости. Значимость такого суждения «будет простираться так далеко, как далеко простирается сообщество, членом которого его делает общее чувство»²⁴. В сфере эстетики человек не имеет возможности руководствоваться объективными законами, доказуемыми или самоочевидными общими правилами по вопросам вкуса; он вынужден искать согласия других людей со своими суждениями, обосновывая их общую, если не всеобщую, значимость. Арндт считала, что сфера общественного взаимодействия (в ее терминах, сфера политики) имеет такую же природу, а поэтому в ней возможно применять приемы, разработанные Кантом для эстетики.

Различия в нормативной регуляции, задаваемой практическим разумом и способностью суждения, фактически очерчивают области индивидуальной и общественной морали. «Самое разительное различие между “Критикой практического разума” и “Критикой способности суждения” состоит в том, что нравственные законы, изложенные в первой книге, имеют силу для любых разумных существ, тогда как действенность правил, рассматриваемых во второй, строго ограничивается их применимостью к людям, обитающим на земле»²⁵. Практический разум дает индивиду как разумному существу моральный закон, не требующий усиленной опытом способности суждения, в то время как способность

²¹ Арндт Х. Некоторые вопросы моральной философии. С. 196.

²² Арндт Х. Лекции по политической философии Канта. С. 24.

²³ Там же. С. 52.

²⁴ Арндт Х. Некоторые вопросы моральной философии. С. 197.

²⁵ Арндт Х. Лекции по политической философии Канта. С. 28.

суждения имеет дело с частными примерами, подводя отдельный случай под правило. «Суждение решает, какова связь между частным и общим, будь то правило, норма, эталон, идеал или какое бы то ни было прочее мерило»²⁶.

Способность суждения как умственная способность нуждается в поддержке и укреплении. Эту функцию в кантовской философии выполняют примеры. Способность суждения активизируется тогда, когда мы знаем или можем вообразить случай, который стал примером, образцом, значимым для всех частных случаев. «Образцы, будучи, действительно, “подпорками” для всякой деятельности, связанной с суждением, служат путеводными вехами и для всякой моральной мысли, в которой их значение особенно велико»²⁷.

Процедурные сложности применения правил в конкретных ситуациях человеческого взаимодействия обуславливают два возможных сценария, достаточно четко представленных в текстах Арндт. Во-первых, когда возникает необходимость вынести суждение по определенному вопросу и принять решение, что правильно, а что неправильно, человек может опереться на опыт повседневного поведения, где он не утруждает себя размышлением, суждением, не ставит под сомнение правила. Нормы и правила поведения, принимаемые людьми автоматически, некритично, в отдельных ситуациях чреватые утратой человеческой способности в критических случаях при необходимости различать добро и зло. Это, в свою очередь, ведет к «банальности зла». Этим термином Арндт обозначила открытый ею вид зла, совершаемого людьми, незаметно потерявшими способность мыслить и выносить суждения по конкретным ситуациям общественной жизни и прикрывающимся чужими мнениями, распоряжениями или фразами по типу «так заведено».

Безусловное исполнение долга, воплощение морального закона в конкретном поступке в своем пределе оборачивается безответственностью. Эту парадоксальность поступка из долга обрисовал Б.Г. Капустин: «Безусловное исполнение долга, его непосредственное объективирование в поступке уничтожает свободу, поскольку, конечно же, никакая свобода – и менее всего самозаконодательство (автономия) – немыслима без выбора. Несвободное существование, действительно, является безответственным – ведь лишь обладающему разумом и свободой выбора причинение вреда другому человеку может быть вменено в вину»²⁸. Домохозяин, безусловно исполняющий долг правдивости, не имеет свободы, поскольку в силу безусловности морального долга лишен возможности совершать выбор, принимать решение. Свобода без выбора не существует, равно отсутствие свободы в моральном выборе, необходимость подчиняться безусловному долгу проблематизируют самозаконодательство разума и автономии воли субъекта морали.

По этой логике, ссылкой на безусловный долг правдивости Кант снял с домохозяина ответственность за причиненный вред, сделав его безответственным. Природа такой безответственности однопорядкова банальности зла, совершаемого людьми, утратившими способность мыслить, различать добро и зло. И домохозяин, и арендтовские люди массы, воплощающие банальное зло

²⁶ Арндт Х. Некоторые вопросы моральной философии. С. 194.

²⁷ Там же. С. 202.

²⁸ Капустин Б.Г. Критика кантовской критики «права лгать» как выявление границ моральной философии // О праве лгать. С. 142.

в повседневности тоталитарных режимов, прячутся за абстрактными законами, авторитетность которых устраняет необходимость делать индивидуальный выбор и принимать за него ответственность.

Во-вторых, согласно Арендт, в конкретных ситуациях человеческого взаимодействия деятель может подводить свой случай под общее правило, отыскивать связь частного и общего. Эти его действия основываются на способности суждения, которая задает не слепое следование установленным правилам, а рассуждение. Капустин, в основном разделяющий арендтовскую позицию, подчеркивает интересубъективный характер кантовского суждения, в процессе которого деятель становится на точку зрения других и вследствие этого способен рефлексировать о собственном суждении и «расширять» свое мышление. Именно в контексте кантовской способности суждения заложена возможность для выстраивания аргументации Апреяна о допустимости морального права лгать в связанных с чрезвычайными обстоятельствами ситуациях.

О (не)допустимости морального права на ложь в сфере общественного взаимодействия

Отложенная в связи с первостепенной важностью написания критик, политическая философия фактически не была написана Кантом. В «Лекциях по политической философии Канта» Арендт имплицировала проблематику, занимавшую Канта всю жизнь, но на разработку которой у него просто не осталось времени. Он обратился к непосредственному осмыслению общественно-политических вопросов в последние годы жизни, когда у него уже не было ни сил, ни времени на основательные исследования, относящиеся к этому специальному предмету. Арендт отмечала, что возросший интерес к теме политики был не в последнюю очередь связан с событиями в революционной Франции, за которыми Кант пристально следил как незаинтересованный наблюдатель, реализовав в общественной повседневности возможности эстетического суждения – его отношение к происходящему «определялось именно позицией обыкновенного зрителя, из круга “не вовлеченных в игру”, но лишь внимающих ей с “равным сокровенному желанию откликом”... симпатия возникала лишь от “созерцательного, или бездеятельного, удовольствия”»²⁹.

В последние годы жизни в центре внимания Канта оказались вопросы организации народа в государство, поиски общественного блага и их правовое обеспечение. При этом проблемы взаимодействия людей, их «общительность», не исчезли, а получили новый ракурс рассмотрения, связанный с «осознанием Кантом того, что его моральная философия не способна здесь помочь». Избегая морализаторства, он рассматривал возможности «плохого человека быть хорошим гражданином в хорошем государстве»³⁰.

Арендт привела рассуждение Канта из трактата «К вечному миру», в котором он указывал механизмы действия законов в обществе людей/«разумных существ», которые, нуждаясь в общих установлениях для поддержания общезжития, втайне желают уклониться от выполнения обязательств. Они стре-

²⁹ Арендт Х. Лекции по политической философии Канта. С. 32.

³⁰ Там же. С. 34, 35.

мятся «так организовать их [разумных существ] устройство, чтобы, несмотря на столкновение их частных устремлений, последние настолько парализовали друг друга, чтобы в публичном поведении людей результат был таким, как если бы они не имели подобных злых устремлений»³¹. Определение в данном случае «плохого» соотносится с кантовским этическим учением, но акценты смещены в плоскость публичности. Арендт подчеркивала, что, в соответствии с кантовской этикой, конкретной лжи пожелать можно, но нельзя желать всеобщего закона лгать, поскольку такой закон сделает невозможным какие-либо обещания, в принципе элиминирует основу человеческой общительности. В поздних работах Канта акцентуация приоритетности публичного поведения задает установку на недопустимость публичной лжи как противоречащей общему интересу.

В эссе «О мнимом праве...», относящемся к позднему, посткритическому периоду, случай с домохозяином прямо отсылает к событиям революционной Франции и интересующим Канта проблемам встраивания субъекта в пространство человеческих взаимоотношений. В свете этого ситуация задает не схему поступка из долга, как это представляет Гусейнов, а пример, вынесение суждения по которому определено условиями человеческого общежития.

В то же время категоричность, ригористичность позиции Канта по случаю с домохозяином задает противоречия и парадоксы, ставшие предметом специального внимания исследователей. Причину парадоксов Капустин, например, усматривает в сложности переплетений свободы и природы, которые «в одних случаях выстраиваются в соответствии с его [Канта] общетеоретическим положением о суждении как необходимом “посредствующем звене” между теорией и практикой, а в других – нет. Эссе о “мнимом праве лгать” – характерный пример второго рода»³². В рассмотрении случая с домохозяином Кант отказался от выстраивания рассуждения в соответствии со здравым смыслом и способностью суждения, укрывшись за моральным законом, став совершенным зрителем, отождествив свою точку зрения с позицией самого практического разума.

Признавая ведущую роль суждения в поисках решения ситуации с домохозяином, Капустин критикует теорию конфликта обязанностей, представленную Апресяном, за «метафизичность», подвергающую критике кантовский формализм, но не использующую потенциальные интересубъективные возможности суждения как фактора взаимодействия.

Апресян считает по существу неправильной позицию домохозяина как субъекта морали по определению собственных обязанностей в критической ситуации. Принимая решение, домохозяин пренебрегает конкретными обязанностями, которые налагают на домовладельца дружба и гостеприимство, делает выбор в пользу абстрактной обязанности не лгать. А абстрактный запрет на ложь, задаваемый моральным законом, определяет приоритетность обязанности правдивости со злоумышленником перед обязанностью помощи другу, укрывшемуся в доме, другу, перед которым у домохозяина двойная обязанность – долг дружбы и гостеприимства, заданный прежде, чем домохозяин сталкивается со злоумышленником.

³¹ Кант И. К вечному миру / Пер. под ред. Л.А. Комаровского, уточнен и испр. Т.И. Ойзерманом // Кант И. Соч. в 4 т. Т. 1. С. 419.

³² Капустин Б.Г. Критика кантовской критики «права лгать» как выявление границ моральной философии. С. 144.

По мнению Капустина, из самого наличия субъекта конфликт обязанностей не возникает, и обращение к теме обязанностей без опосредующей роли суждения будет неизбежно метафизичным. Он подчеркивает: «Я могу понять мои обязанности как находящиеся в конфликте только в том случае, если встану на точку зрения других и с этой позиции пойму неадекватность тех максимумов моих поступков, которые мне диктует мой “монологический” разум, даже если я отождествляю его с практическим разумом вообще»³³.

Не выходя на уровень интерсубъективности суждения, Апресян проводит кропотливую работу по прояснению условий ситуации коммуникации, взаимодействия ее субъектов. На основе этих его результатов появляется ретроспективная возможность субъекту действия становиться на точку зрения других и понимать соотношение общего (объективного морального закона) и частного (всех обстоятельств ситуации и конкретных обязанностей каждого субъекта морали). Следование этой процедуре и будет соответствовать кантовскому духу суждения.

В случае с домовладельцем речь идет не о рутине повседневной жизни, а об обстоятельствах, связанных с неправомерным принуждением к признанию, когда под вопрос поставлено благополучие и жизнь другого человека. Подчеркивая эту исключительность обстоятельств, Апресян фактически указывает на банальность зла, совершаемого домохозяином, который пренебрег конкретными обязанностями и снял с себя ответственность апелляцией к безусловному долгу правдивости. Критикуя Канта за апологию такого пренебрежения, Апресян настаивает на необходимости человеку отдавать себе отчет в своих действиях, брать ответственность за принятые решения и их последствия. «Именно такого рода ситуация, обсуждаемая Кантом с подачи Константа: я сам должен принимать решение, я сам являюсь субъектом понимания того, какие у меня обязанности, и я сам являюсь судьей своего решения. При этом я могу ошибиться, и за эту ошибку должен буду ответить»³⁴.

Сфера взаимодействия человека с другими людьми, т. е. сфера общественной морали в свете решения этого вопроса конкретизируется как пространство обязанностей, дифференциация которых направлена на оптимизацию взаимоотношений и самоосуществление человека в социальном пространстве. В таких условиях человек вынужден делать выбор, сознательно принимать решение, вступающие в противоречие с абстрактным долгом и абстрактными обязанностями. В данной ситуации однозначного выбора, универсального решения нет, и установки абсолютистской этики здесь могут привлечь потенциальной однозначностью и определенностью решений, возможностью укрыться за формулой безусловного закона.

Если же признать конкретность обязанностей дружбы и гостеприимства, их приоритетность по отношению к абстрактной обязанности не лгать, выраженной по отношению к тому, с кем нет особой связи, то это несоответствие абстрактно должного и конкретно должного может быть разрешено только в ходе морального выбора субъекта, за который он берет полную ответственность. Полнота ответственности субъекта за принятое решение в пространстве общественного взаимодействия ставит его на позицию «не-алиби в бытии» (М.М. Бахтин), активизирует перфекционистскую составляющую морали при вынесении суждений.

³³ Капустин Б.Г. Критика кантовской критики «права лгать» как выявление границ моральной философии. С. 147–148.

³⁴ Апресян Р.Г. О праве лгать // О праве лгать. С. 19.

Таким образом, Просвещение дает возможность человеку освободиться от предрассудков и внешнего руководства и следовать Разуму, требования которого задают моральный закон. Объективный моральный закон обязывает человека поступать по долгу, одной из конкретизаций которого и является запрет на ложь. На собственно этическом уровне, где действует кантовский автономный субъект, запрет на ложь конкретизируется в сознательных усилиях деятеля следовать абсолютному долгу. В ситуации с домохозяйном следовать долгу – значит не лгать злоумышленнику о местонахождении друга. Альтернативой этому поступку будет признание собственной моральной несостоятельности при любом другом выборе, который неизбежно будет продиктован склонностью. Однако абсолютный запрет на ложь в предельном своем воплощении устраняет способность деятеля различать добро и зло, снимая с него ответственность и позволяя укрыться за объективным моральным законом. В пространстве человеческого взаимодействия люди неизбежно выверяют правильность своих действий посредством суждений, способность к которым им дана в силу наличия у них мышления. Интросубъективный характер суждений позволяет человеку ставить себя на место других, общаться с ними, достигать согласия, принимать решения и брать за них полную ответственность. В ситуации конфликтующих обязанностей деятель, принимая обдуманное решение, способен осознать все противоречия, вынести суждение и принять ответственность за сделанное и не сделанное в конкретных обстоятельствах, становясь, таким образом, в положение «не-алиби в бытии».

Список литературы

- Апресян Р.Г.* О праве лгать // О праве лгать / Сост., ред. Р.Г. Апресян. М.: РОССПЭН, 2011. С. 10–24.
- Арендт Х.* Лекции по политической философии Канта / Пер. А. Глухова. СПб.: Наука, 2011. 303 с.
- Арендт Х.* Некоторые вопросы моральной философии / Пер. Д. Аронсона // *Арендт Х.* Ответственность и суждение. М.: Ин-т Гайдара, 2013. С. 83–204.
- Гусейнов А.А.* Мораль: между индивидом и обществом (к вопросу о месте морали в современном обществе // *Общественная мораль: философские, нормативно-этические и прикладные проблемы* / Под ред. Р.Г. Апресяна. М.: Альфа-М, 2009. С. 36–49.
- Гусейнов А.А.* Что говорил Кант, или Почему невозможна ложь во благо? // О праве лгать / Сост., ред. Р.Г. Апресян. М.: РОССПЭН, 2011. С. 108–127.
- Кант И.* К вечному миру / Пер. под ред. Л.А. Комаровского, уточнен и исправлен Т. И. Ойзерманом // *Кант И.* Соч. на нем. и рус. яз. / Под ред. Н. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. Т. 1: «Трактаты и статьи» (1784–1796). М.: Изд. фирма «Ками», 1993. С. 353–477.
- Кант И.* Основоположение к метафизике нравов / Под ред. Э. Соловьева, А. Судакова, Б. Тушлинга, У. Фогеля // *Кант И.* Соч. на нем. и рус. яз. Т. 3. М.: Филос. фонд, 1997.
- Кант И.* Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? / Пер. Ц.Г. Арзаканя, уточненный Т.Б. Длугач // *Кант И.* Соч. на нем. и рус. яз. / Под ред. Н. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. Т. 1: «Трактаты и статьи» (1784–1796). М.: Изд. фирма «Ками», 1993. С. 125–147.

Капустин Б.Г. Критика кантовской критики «права лгать» как выявление границ моральной философии // О праве лгать / Сост., ред. Р.Г. Апресян. М.: РОССПЭН, 2011. С. 128–150.

Прокофьев А.В. Мораль индивидуального совершенствования и общественная мораль: исследование неоднородности нравственных феноменов. Вел. Новгород: НовГУ, 2006. 284 с.

Прокофьев А.В. Подвижная связь межчеловеческих связей (дисциплинарный и перфекционистский элементы морали через призму политической философии Х. Арндт) // Этическая мысль. Вып. 5. / Под ред. А.А. Гусейнова. 2004. С. 53–73.

Прокофьев А.В. Справедливость и ответственность: Социально-этические проблемы в философии морали. Тула: Тульский гос. пед. ун-т им. Л.Н. Толстого, 2006. 277 с.

Штольценберг Ю. Кант и право на ложь / Пер. И.Д. Копцева, А.С. Зильбера // Кантовский сб. 2010. № 2 (32). С. 7–16.

Prohibition of Lying in the Ethics of the Act Perusing I. Kant's essay "On a Supposed Right to Lie" in the Light of H. Arendt's Philosophy

Mariya Rogozha

Higher Doctorate (*Habilitation*) in Philosophy, Professor. Taras Shevchenko National University of Kyiv. 64/13 Volodymyrska str. City of Kyiv, 01601, Ukraine; e-mail: rohozha@mail.ru

Kant's prohibition on lying is analyzed in the light of theoretical discussion on the sense of morality between Ruben Апресян and Abdusalam Guseynov. The distinction between the spheres of individual and public morality makes it possible for different approaches to consider the prohibition on lying as the factor of the moral action. In the article Kant's ethical and philosophical ideas are considered through the prism of social and political stance Hannah Arendt's. Arendt proposed to consider three perspectives of human affairs in Kant's philosophy: human species and its progress, a human person as a moral being and end in oneself, men in plural, whose true end is sociability. The Enlightenment provides a person with the opportunity to free oneself from superstitions and to follow Reason, and the moral law defines its demands. The moral law also obliges a person to act according to the duty; the prohibition on lying being one of its particular forms. At the level of Kant's moral subject, the prohibition on lying is specified in deliberated efforts of an actor to follow the absolute duty. In the case of the householder, to follow the duty means to not lie to the malefactor about the location of a friend. The alternative to such action is the recognition of personal moral failure as any other choice is inevitably defined by partiality, not by the moral law. However, absolute prohibition against lying in its ultimate implementation eliminates actor's ability to recognize the good and the evil, while eliminating one's responsibility and allowing to hide behind the moral law. In the sphere of human interaction, persons verify correctness of their actions by means of judgments. Under the circumstances of conflicting obligations, an actor is able to comprehend all contradictions, to make a judgment and to take responsibility in position of "non-alibi in being".

Keywords: Immanuel Kant, Hannah Arendt, lying, Enlightenment, moral law, absolute prohibition, power of judgment, common sense, sociability, obligation.

References

- Apressyan, R.G. "O prave l'gat'" [On the right to lie], in: *O prave l'gat'* [On the right to lie], ed. by R.G. Apressyan. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011, pp. 10–24. (In Russian)
- Arendt, H. *Lektsii po politicheskoi filosofii Kanta* [Lectures on Kant's Political Philosophy], trans. by A. Glukhov. St. Petersburg: Nauka Publ., 2011. 303 pp. (In Russian)
- Arendt, H. "Nekotorye voprosy moral'noi filosofii" [Some Questions of Moral Philosophy], trans. by D. Aronson, in: H. Arendt. *Otvetstvennost' i suzhdenie* [Responsibility and Judgment]. Moscow: Gaidar's Institute Publ., 2013, pp. 83–204. (In Russian)
- Guseinov, A.A. "Moral': mezhdum individom i obshchestvom (k voprosu o meste moral'i v sovremennom obshchestve)" [Morality: Between the Person and Society (Towards the Question about the Place of Morality in Contemporary Society)], in: *Obshchestvennaya moral': filosofskie, normativno-eticheskie i prikladnye problemy* [Public Morality: Philosophical, Normative, and Applied Issues], ed. by R.G. Apressyan. Moscow: Al'fa-M Publ., 2009, pp. 36–49. (In Russian)
- Guseinov, A.A. "Chto govoril Kant, ili Pochemu nevozmozhna lozh' vo blago?" [What Kant Said, or Why Is it Impermissible to lie for the Sake of Good?], in: *O prave l'gat'* [On the right to lie], ed. by R.G. Apressyan. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011, pp. 108–127. (In Russian)
- Kant, I. "K vechnomu miru" [Toward Perpetual Peace], trans. ed. by L.A. Komarovskii, improved by T.I. Oizerman in: *Sochineniya na Nemetskom i Russkom yazykah* [Works in German and Russian], vol. 1. Traktaty i stat'i [Treatises and Letters] (1784–1796), ed. by N. Motroshilova, B. Tuschling. Moscow: Kami Publ., 1993, pp. 353–477. (In Russian)
- Kant, I. "Osnovopolozhenie k metafizike нравов" [Groundwork of the Metaphysics of Morals], ed. by E. Solovyev, A. Sudakov, B. Tuschling, U. Vogel, in: I. Kant. *Sochineniya na Nemetskom i Russkom yazykah* [Works in German and Russian], ed. by N. Motroshilova, B. Tuschling, vol. 3. Moscow: Filosofskii fond Publ., 1997, pp. 38–275. (In Russian)
- Kant, I. "Otvét na vopros: Chto takoe Prosveshchenie?" [Answer to the Question: What is Enlightenment?], trans. by Ts.G. Arzakanyan, improved by T.B. Dlugach, *Sochineniya na Nemetskom i Russkom yazykah* [Works in German and Russian], vol. 1. Traktaty i stat'i [Treatises and letters] (1784–1796), ed. by N. Motroshilova, B. Tuschling. Moscow: Kami Publ., 1993, pp. 125–147. (In Russian)
- Kapustin, B.G. "Kritika kantovskoi kritiki 'prava l'gat'" kak vyyavlenie granits moral'noi filosofii" [Critique of Kant's Critique of the Right to Lie as the Revealing the Boundaries of Moral Philosophy], in: *O prave l'gat'* [On the right to lie], ed. by R.G. Apressyan. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011, pp. 128–150. (In Russian)
- Prokofyev, A.V. *Moral' individual'nogo sovershenstvovaniya i obshchestvennaya moral': issledovanie neodnorodnosti нравstvennykh fenomenov* [Morality of Individual Perfection and Social Morality: Inquiry of Heterogeneity of Moral Phenomena]. Velikii Novgorod: Novgorod Univ. Press, 2006, 284 pp. (In Russian)
- Prokofyev, A.V. "Podvizhnaya svyaz' mezhdum chelovecheskikh svyazei (distsiplinarnyi i perfektsionistskii elementy morali cherez prizmu politicheskoi filosofii Kh. Arendt)" [Changeable Web of Human Relationships (Disciplinary and Perfectionist Elements of Morality through the Prism of Political Philosophy of H. Arendt)], *Eticheskaya mysl'* [Ethical Thought], 2004, vol. 5, pp. 53–73. (In Russian)
- Prokofyev, A.V. *Spravedlivost' i otvetstvennost': Sotsial'no-eticheskie problemy v filosofii morali* [Justice and Responsibility: Social and Ethical Issues in Moral Philosophy]. Tula: Tula St. Pedagogical Univ. Press, 2006. 277 pp. (In Russian)
- Shtolzenberg J. "Kant i pravo na lozh'" [Kant and the Right to Lie], trans. by I.D. Koptsev, A.S. Zil'ber, *Kantovskii sbornik*, 2010, no. 2 (32), pp. 7–16. (In Russian)